

РАССКАЗЫ

НЕБО ЗАХОДИТ В ГРУДЬ

В соавторстве с Вячеславом Букуром

— Ракета летела-летела и села, — бормотал Горка, — ушла глубоко в планету. Спасатели начали откапывать. И там же была звездокая Лианея, дочь Трех Солнц...

Рядом дышит инопланетянин, рогатый и на четырех ногах. И как наступит каменным копытом на ногу!

— Лыска! — завизжал Горка.

Корова в знак извинения прошлась языком по его щеке — теперь до вечера половина лица будет гореть. А тут отец заходит:

— Ты что, п...да рогатая, моего Георгия обижаешь? А мы все для тебя, надо тебе витамины — вот я купил тебе витамины, надо тебе ветеринара — и вот ему я мотор перебрал.

Все понятно: воскресная стопка имела место. Отец взял вилы, и комки навоза только полетели со свистом в окошко.

Прихрамывая, Горка вышел из сарая. Так, прикинул он, ракету я практически спас, от нападения инопланетного туземца я пострадал, пойду отлежусь в межзвездном модуле, почитаю, что там дальше с Гарри Поттером.

А Аполлон-то Засушенный еще ничего не сделал, только выбрел из дома, хрустит ногами по снегу к своему сараю. А вдруг он новость сообщит! От новости ведь себя не помнишь, так что приходится все силы бросать на то, чтобы сохранить на лице взрослое мужское выражение.

Увидев Горку, Аполлон Засушенный свернул к забору. Привет — привет.

— Идешь в шахту?

— Сейчас по-легкому разбросаю завалы угля и всех спасу (что значит: быстро выкидаю весь навоз).

У Аполлона Засушенного отец работал шахтером, и поэтому Павел беспрерывно играл в спасение из-под земли.

А Витька Попеляев представлял все время, что он разминирует поле, как его старший брат — сапер в Чечне. И надо очень осторожно выкидывать мины — куски навоза (больше всего взрывчатого вещества скопилось возле задних ног коровы).

А вот он и бежит, Витька, и кричит:

— Горка! Пашка! — Потом спохватился и сказал солидно: — Ребя, там интернатскую привезли, мертвую. Поканалы, посмотрим!

— Я хромаю...

— Ну и что! Шофер-то поседел весь! Пошли!

Предчувствуемая жуть уже летала между ними и звала повзрослеть еще сильнее. Они побежали по припорошенной, с блестками, дороге. Как всегда, навстречу им попалась Изюмская, которая подчеркнуто рассеянно посмотрела на Горку и сказала:

— А я уже все видела, ничего интересного (между мертвой Поздеевой и живой мной кого надо выбирать, непонятно, что ли?) — Вдруг она клоунски повела глазами в сторону: — По химии не могу разобраться, завтра понедельник, и всегда химик по понедельникам меня спрашивает.

Горка на миг задумался, и его осенило:

— Потому что Сей Сеич по понедельникам с похмелья. У тебя фамилия Изюмская, а из изюма знаешь какая бражка получается.

— Да ты просто Каменская в штанах! Так я приду?

— Я не знаю... Наверно, сегодня никак.

Вот если бы тебя звали не Олька, а Лианея, дочь Трех Солнц, подумал Горка, вот тогда была бы встреча в параллельном мире!

Он догнал ребят. Они сначала обгоняли одинокие фигуры, потом эти шагающие фигуры кучковались по двойкам, по тройкам и в конце, перед домом Поздеевых, сбились в пестрый ковер лиц, ждущих подробностей. Розовел над ними пласт дыхательного пара.

Первым делом Горка сразу выделил лицо свирепой красоты, слегка постаревшее. Это был учитель химии, который думал: «Прекрасны жемчужные завитки пара и этот брейгелевский пронзительный снег. И никому про это не скажешь. Не поймут».

Тут Горка догадался, почему Сей Сеич не просыхает. Ведь он знает, что за глаза его зовут: «Химия — Залупа синяя».

Ладно, сейчас не до этого, надо прокручивать в голове слова собравшихся людей:

— Неужели сама выпала под колеса?

— Да приставал он к ней!

— Мирошникову пора прятаться, а то...

— А то что? У нас тут не Кавказ, не кровная месть. Наелись вы телевизора и ничего не понимаете.

— Кто не понимает — я не понимаю? Как вы можете так говорить, если я всю жизнь проработала главным бухгалтером!

Кто же не знает, что деревня — это беспрерывный мозговой штурм.

Приехал следователь, выдернутый из-за праздничного стола. Поэтому он говорил мрачно: «Щас всех опросим», и было видно, как внутри него чувство долга жестоко борется с алкоголем. Качнувшись, шепнул что-то участковому милиционеру, и тот стал обходить толпу — просил всех не расходиться. Тотчас все начали расходиться.

Нашли фургон, чтобы перевезти тело в фельдшерский пункт для вскрытия. Вынесли человеческую фигуру, завернутую в одеяло. Мать шла рядом и с жуткой разумностью спрашивала у тех, кто еще не разбежался:

— Она меня сейчас видит, нет?

Кто-то сказал, что видит, а кто-то проявил принципиальность, которую огласил Сей Сеич:

— Молекулы перестали двигаться, и драгоценное сознание распалось.

— Твоя принципиальность,
Как плохое вино,
Напоило нас
Горькой чернотой.

Горка привычно запоминал слова, которые мерцали в голове друг за другом.

Ветер снег уносит,
Не знаю куда.

Но осторожной кошкой
Вернулось желание жить.

Вечером Горка присоединился к разговору родителей, когда за ужином они скупко обсуждали горе Поздеевых:

— Мам, почему все шумят, что шофер приставал к ней? — Он выпрямился, мысленно поместил во рту трубку и стал говорить прекрасным квакающим голосом артиста Ливанова (Холмса): — Во-первых, Мирошников только и ходил из дому на работу и с работы домой.

— Запруду сделал у ручья, карпов туда запустил, — добавила мать Горки.

Сын посмотрел на нее с выражением, как иногда смотрел отец — мол, женщина, что такое? — и продолжал:

— Во-вторых — он же поседел от потрясения. А если бы он был гад... Гады не седеют. В-третьих же — все происходило в глухом лесу, и он мог бы ее закопать в снегу, и до лета бы тела никто не увидел. Это же элементарно!

Отец сказал:

— Ну, Горка, ты казак: туда побежал, здесь сшурупил.

— Просто адвокат какой-то! — добавила мать.

А лучше бы сказали: мол, сэр Джордж, вы блестяще проанализировали эту комбинацию.

В это время пришла соседка Маруся Семиколенных. Она попросила листочек алоэ:

— Еще и палец нарывает! И так вечером упаду перед иконами, реву-реву, кричу-кричу!

— Вся Васильевка знает: Маруся молится, — вставил отец с непроницаемым лицом.

— Ну, ничего: утром выпью водочки, запляшу, запою! Уныние ведь - смертный грех.

— И вся Васильевка слышит: Маруся борется с унынием.

— У нас алой засох, пока к дочке ездила. Мой бегемот пьяный не поливал...

— Ну, какой же он бегемот, если в декабре заработал пять тысяч.

Маруся от возмущения казнила алоэ, только сок брызнул:

— Заработал, да все в горло пошло. Когда прихожу на исповедь, так и говорю: отец Сергей, надо что-то со мной делать. Мой так пьет, терпение ведь кончается, так и хочется топором его тукнуть. А батюшка мне: тише, тише.

— Нет, зачем же, — невозмутимо заметил отец. — Пусть вся Васильевка знает: наша Маруся кается.

Маруся слегка смолкла, показывая своим видом: вы думаете, я за алоем пришла? Понюхала табуку, мелко потряслась, как трясогузка, взлетела с табуретки и сказала:

— Надо бежать. Сегодня к Поздеевым ходила, два часа как не бывало, а самогонки еще не нагнано к моему дню рождения. Да, хорошо, что у них еще дети есть.

Мать щедро отрезала Марусе еще пару целебных шипастых листьев алоэ (вместо прежних) и как бы невзначай обронила:

— А Горка сказал, что Мирошников не мог ничего такого над ней сотворить. Ведь гляди, какой у него сад! Какие арбузы в теплице!

— И кролики как из воздуха плодятся, — добавил отец и закурил.

— Все завидуют, ведь в чужих руках все толще, вот и говорят о нем что попало, — сказала Маруся.

Две струи дыма из отцовских ноздрей свивались и иллюстрировали перепутанность этого дела.

— А вы... возьмите поллитру и идите к Яковлевичу, там следователь остался ночевать. — Маруся подумала и добавила ради истины: — Хоть к рукам нашего участкового что-то прилипает, но он еще неплохой.

Горка тут сразу воткнулся в очередное размышление: как это — взятки берет, но вот прошлым летом обкуренная молодежь из района на «газели» сбила старика и помчалась дальше. Так Иван Яковлевич пустился за ними на старом уазике! Неизвестно, что там произошло в лесу, но участковый привез их обратно на «газели», всех семерых — связанных, избитых, а у одного было прострелено плечо.

У Ивана Яковлевича было еще много талантов, например, он хорошо пел. Как из него могуче изливалась «Многая лета» на юбилее Васильевки!

Пока родители отсутствовали, Горка боролся со страхом, бормотал: такой он сообразительный, этот Георгий, все его любят, Изюмская сказала: ты Каменская с яйцами... то есть не так сказала, но с таким смыслом... И вдруг — раз, и в яму под деревянный крест?! Горка словно весь налился безнадежной жидкостью, но избавился от нее с помощью привычного хода мысли: наука что-нибудь придумает, молекулярное омоложение там.

У участкового было простое лицо лесника. Отец Горки помаячил перед этим лицом склянкой и сказал:

— Что ты тут думаешь? Давай зови следователя.

— Он спит.

— Да, слабые эти городские... Знаешь, если Мирошников хотел бы все скрыть, он бы ее в снегу закопал, звери кости растащат — и все.

— По делу говоришь, — одобрил участковый. — Да я и сам Мирошникову в обиду не дам. Он же наш, васильевский.

Склянка звенела о края стопок до тех пор, пока отец Горки не сказал, глядя на плакат с губернатором:

— Пора кончать, а то у двуглавого орла уже три головы появилось.

А Петр Мирошников в это время говорил жене:

— Не могу спать.

Уж дальше он не продолжал, что видит задавленную у комода. Но жена догадывалась: у него все время было разговаривающее лицо, то темнеет, то светлеет.

Вышел Петр в сад, однако и туда она успела: стоит возле занесенного снегом пруда в какой-то рубашке белой и нисколько не мерзнет. Тут Петр не выдержал, и прорвался у него разговор наружу:

— Конечно, я виноват, что не проверил дверку...

— Петя, — позвал сзади голос жены, — пойдём домой, не мерзни, здесь никого нет.

В самом деле, подумал Петр, зачем я буду за этой белой рубашкой по огородам бегать. Дома он сел и включил телевизор, и ему под ноги высыпались слова диктора:

— И только таким образом призрак стал понятнее и человечнее...

Жена — домашнее МЧС — выхватила у него пульт и погасила экран. Петр стал ее успокаивать: сейчас я засну, засну. Лег и вдруг на самом деле заснул.

В холодном белом свете кладбищенская ворона сидела на ветке и смотрела на всех. Пар поднимался из ее ноздрей двумя клубами. Лицо Сей Семча и здесь выделялось из всех лиц свирепой красотой. Он взял Горку за локоть и изрек:

— Когда и я умру, найдите и поставьте мне Реквием Моцарта.

Аполлон Засушенный услужливо закивал:

— Да, да. А если не найдем, поставим Киркорова.

Горка занес в стайку на подстилку солому, и она засияла как солнце. Лыска тяжело задышала и просяще посмотрела на него, то есть в его лице — на всех людей. Горка вспомнил, как по телевизору антилопа на бегу родила, детеныш шлепнулся, и мать недоуменно стала оглядываться: что-то легко стало, кажется, надо уже о ком-то заботиться.

Горка вприпрыжку бежал домой и думал: домашние животные тяжело рожают, потому что зимой мало двигаются. Вот бы их прогуливать как-то по графику...

— Мама, мама, Лыска рожает!

Мама засияла слезами, улыбкой, боком глянула в сторону божницы, и они втроем изо всех сил побежали в сарай. У отца было ведро с теплой водой, а Горка нес хлеб с солью. Радуюсь тут, думал он, а чего радоваться? Вырастет бычок, зарежем его осенью и будем есть. Как сейчас доедаем его брата Мартика.

Но возбужденный шепот родителей и первое короткое мычание теленка, похожее на нежный рожок — все слиплось в какое-то нелепое, но сокрушительное доказательство жизни, и оно отменило Горкины печальные мысли.

Посреди леса лежало продолговатое небо с облаками. Жара жгла, как крапива. Горка помчался, на ходу раздеваясь, и залетел с размаху в голубую прохладу озера, дробя все вокруг себя в жидкие алмазы. И снова пошли, постукивая, звуки:

Небо словно заходит в грудь
И создает душу...

Устройство под названием стрекоза испугалось, стартовало с камыша и понеслось над живым зеркалом, переливаясь и треща.

Горка любил купаться без всего, первозданно, обнимаемый извивами умной влаги со всех сторон. Он нырял и выныривал с ожиданием, что миг — и он родится в какую-то новую, очень всем нужную жизнь.

А Сей Сеич тоже думал в моем возрасте, наверно, замирая в мечтах гладиаторским лицом, что вырвется... а кончил ежедневной спиртовой пропиткой.

Горка вышел на берег — из драгоценности воды, сияя, как жемчужина.

Вот бы сейчас меня увидела Лианея — дочь Трех Солнц, которая в последнее время все чаще представляется с лицом Изюмской.

Вдруг он заметил, что пиявка присосалась к левому колену. — Сейчас я избавлюсь от тебя, чудовище, достану свой бластер, — сказал Горка. И прицельно помочился.

Пиявка отпала — он не стал ее давить. Ползи к своей судьбе.

Липы цветут, у них сегодня большой прием пчел. Вот бы сейчас пчелой вжикнуть домой. После купания сил не осталось, ноги — ленивый студень без мышц. А до дому еще пилить пять километров!

И тут весь накопившийся зной раскололся в неожиданном звуке. Горка прыгнул в сторону. Дядя Коля снял руку с сигнала и захохотал:

— Садись, прокачу!

Но вместо радости, что час по жаре превращается в десять минут езды с ветерком... забоялся Горка, если честно. Сейчас засну, выпаду, и под колесо! Поседевший дядя Коля, причитания матери... А ведь с этой осени буду учиться в интернате, надо ездить на попутках, пора привыкать.

— Что, сцышь? — проницательно спросил дядя Коля. — Не надо, бесполезно. Я в твои годы от мачехи ушел, волков видел стаи! Садись.

Потом он закурил и приказал:

— Рассказывай что-нибудь, а то я за сутки тут к баранке прирос, как бы не заснуть.

— Дядь Коля, Мирошников вчера привез новую породу карпов, говорят — генная инженерия.

— Ну и правильно, это лучше, чем ночами гоняться за мертвой Поздеевой. Видел я в одном фильме: по ночам рыбы-мутанты выползали из воды, залезали на березу и пели — как соловьи.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

В воскресенье встретил Пилю, и он повел меня в одно место. Дошли мы до окраины городской и оказались в какой-то хреновине: темно, сыровато и грязь. Компания там только мужицкая, сразу видно: не притон никакой, что женщин там вообще не бывает. Понял сразу: сегодня не пито, хотя время к обеду. Сидят угрюмые, один — молодой — картошку чистит. Пиля мне шепнул, что это, мол, сын хозяина, Петька-склонник, в армии не дослужил, прыгнул с ума немного, но так ничего, смиренный, картошку вот чистить любит.

— Так ты заявил? — спросил Петька у отца, который вернулся откуда-то озабоченный.

— Шум будет. Сам явится.

— Думаешь, явится гад?!

— Куда ему деться-то.

Я спросил:

— Что случилось?

— Да вон!

Смотрю: ребенок сидит в углу, играет бутылками. Года три-четыре. Иногда недоверчиво поглядывает на нас с Пилей — потому как новые.

— Сухаревского знаете, в пятом цехе раньше работал? — спросил хозяин.

— Он же бросил пить! Завязал давно, женился.

— Вчера шел мимо, на минутку заскочил — просто посидели, и перед закрытием уже нашли два рубля, вот его отправили добывать. Не вернулся, паразит! И про пацана забыл.

Пиля закричал:

— Что?! С нашими деньгами! Да убить его мало! Ешкин-плошкин... — закончил он невинным ругательством и покосился на мальчугана.

Ребенок захныкал. Решили кормить.

— Чем детей-то кормят, Саша? У тебя мать в садике ведь!

Я подумал.

— Ну... молочное все. Котлеты можно в столовой взять — свежие, если и не свиные.

— Почему это не свиные?

— Потому что печень у ребенка не то, что у тебя! Ты вон политуры банку можешь выпить и ни... и ничего!

— Ничего, — гордо повторил Пиля, считая копейки. Всего набралось чуть более двух рублей.

— Конфеты ему купи! «Золотой ключик» или что! — крикнул нам вдогонку Петька-склонник.

— На бутылку не хва...

— Молчи! Пацан есть пацан!

Пошли в столовую. Пиля спрашивает у раздатчицы про котлеты: можно ли детям. Та ему не верит, что у него кто-то может быть.

— А Сонька-то, сестра! — убедительно стал доказывать свое Пиля. — Она ведь замужем, и мужик непьющий попался, вот приехала в гости с сыном. Его оставила, а сама... а сама... в деревню укатила, к матери!

Раздатчица сказала, что котлеты хорошие, можно брать.

Когда мы вернулись, все было по-старому, только один мужик — Вася Бас (Бас — это фамилия такая) домывает пол. Мальчик сидел на коленях у Петьки и смотрел на его ловкую работу:

— Дядь-Петь! А картошке больно, когда ее чистят?

— Ишь ты: молодой да ранний! — и Петька обнял мальчика, стараясь не запачкать его красную рубашку.

— Конфеты-то купили?

— Нет... Вот что: накормите его и сдайте! — сказал я. — Он вот сейчас грязными руками за котлеты — заболит не дай бог еще!

— Нельзя! — отрезал хозяин. — Не поверят нам. Начнется знаешь что! Вы специально, мол, напоили, то да се. Нельзя!

— Ну, давайте, я отведу, скажу: на улице нашел. Ешкин-мошкин...

— Не-ет, придет же этот гад, должен прийти!

Я понял: есть тайная мысль с отца побольше содрать за все — мол, не пили, не ели, все на ребенка ушло.

— Слушайте, а если не он, если жена его придет да в волосы кому-нибудь вцепится!

Но жена не пришла. Пришел сам отец, пьяный, да еще принес много всего с собой, потому как вину чувствовал. Ребенок сразу повеселел. Сидели недолго. Мужики все корили Сухаревского: ладно вот, на порядочных оставил, конечно, не бросили, не заморили, а мало ли что бывает, вот говорят, на Блошихе тараканы ядовитые появились, одного ребенка искусили. Дуст, что ли, внутри у них, даже, мол, раздавишь, так не мокрые, а порошок выскакивает. Одно слово — ядовитые. До смерти могут. А мы вот пол вымыли. Могли бы сдать бутылки, нет, не пошли на это — оставили на игрушки...

Сухаревский разжалобился, дал еще пятерку. Пиля пошел.

— И не пели на ночь-то вчера! Вон гитара висела и висит, не пели.

Сухаревский прослезился, всех расцеловал, но сидеть дальше не стал, ушел, не дождавшись Пиля.

Сразу же вослед понеслось:

— Отец называется, туда его растуда, подальше и за тридевять земель, и конец на холодец... Вот мы уж пьем, так хоть детей не заводим, потому что понимать нужно.

— Отец называется, откупился пятеркой, и все!..

— А заметили, как дети меня любят! — похвалялся Петька. — Он все «дядь-Петь» да «дядь-Петь»!

— Любят! — передразнил его Вася Бас. — Ты бы хоть раз в месяц пол тут мыл! А то я скреб-скреб, едва до досок не промыл!

Пиля вернулся и первым делом спросил:

— А где эта... красная рубашонка?

Оказалось: купил-таки «Золотой ключик».

— Племяннику унесешь, — сказал я.

— Кому-кому? — обиделся он.

— Ну, сестра-то Сонька у тебя ведь, не у меня.

— Нет у меня никакой сестры, откуда ей быть — я в общаге живу, сам знаешь, ешкин-разматрешкин! — он огляделся, сообразил, что ребятенка уже нет, и употребил выражение покруче.

Пустили эти конфеты на закуску. Так себе закуска из них, но все равно. Вообще, хорошо в тот раз посидели, а когда уже все было пусто, и Петька спал, а его отец и Вася Бас еще соображали, шаря по своим карманам и считая мелочь, Пиля пытался вернуть меня к обсуждению происшествия:

— А кто мне сказал: печень-то у ребенка слабая, не то, что у тебя — из цемента...

На другой день Петька всех убеждал, что ребенок так полюбил его, что с родным отцом не хотел уходить.

Об этом говорили каждый день, все прибавляя и прибавляя срок пребывания ребенка: он стал жить не день, а неделю, потом — две, наконец остановились на месяце. И все не пили, не ели, только кормили да водились...

Потом другие истории затмили эту, но до конца уничтожить так и не смогли:

- Помнишь, как гуляли в Караганде, в командировке, и Вася упал в костер?
- А помнишь, Сухарь оставил ребенка, и все ходили вагоны разгружать, потому что кормить нужно, а печень-то у детей...

ЗООПАРК В ВИОЛОНЧЕЛИ

(Дети, сами расставьте восклицательные знаки, там, где нужно)

Хирудо

Эх, когда я был маленьким, мечтал о котенке или щенке. Но у тети Любы была чесотка от животных. И я стал просить у родителей хотя бы пиявку. Тогда пиявки продавались в аптеке. В огромной банке они красиво извивались и ныряли. Каждая по двадцать копеек. И если у больного было большое давление, то они его могли отсосать.

— Мама, пиявки погоду предсказывают. Если свернется клубком, выползет из воды и присосется к стенке — к морозу. А если у тебя давление подскочит — она отсосет.

Мама дала мне двадцать копеек. Я побежал в аптеку и купил пиявку. Выбрал такую яркую, длинную. Мы назвали ее Красавица. Она жила у нас на столе в трехлитровой банке. И предсказывала погоду, такая умница, ни разу не ошибалась. А как она развлекала нас своими превращениями! То сожмется, станет короткой и толстой. То разожмется в длинную, тонкую, извилистую, ну как девушка. Я кормил ее своей кровью. Потому что папину руку она брать не захотела. Кожа у него слишком толстая. А я помазал свои пальцы вареньем, и она присосалась. Мама была кормящей матерью, потому что родила очередную сестру для меня, а я был кормя... донором я был для пиявки...

Очень жалко, когда надо солью ее посыпать, чтобы отпала от пальца. Так она извивается, бедная. Ну, промываем сразу в воде нашу Красавицу, потом сажаем обратно в банку. Мы все в семье очень любили ее. Только наши гости любили не все. Некоторые кричали:

— Если вам жалко этой колбасы, так прямо и скажите, а не нужно разных намеков в виде поганых пиявок кровососных подставлять! Какие вы хитрые, специально купили, чтобы аппетит отбить у нас.

Папа им доказывал, что наша пиявка прекрасна, как все живое. А мы много раз рисовали нашу Красавицу, сколько про нее стихов сочинили. Весело было с нею. Но однажды мы уехали летом к бабушке. Я капнул варенье на марлечку, что банку закрывала. Думал: поест без нас. А она ела-ела марлю до тех пор, пока не прогрызла. И вылезла. Может быть, она соскучилась одна и пошла искать нас. Но обратно в воду залезть уже не смогла. Мы по приезде нашли как будто мертвую улитку вместо пиявки. Похоронили ее во дворе, цветы положили на могилку. «Прощай, хирудо!» — сказал папа. Хирудо — по-латыни пиявка.

Я хотел новую купить, да тут развал медицины усилился, и в аптеке перестали продавать пиявок. А я так надеялся, что мой палец, высосанный пиявкой, немного усохнет, и меня не будут посылать в музыкальную школу.

Новая жительница

И вот солнечным сентябрьским днем я возвращался из музыкалки очень печальным. Потому что получил двойку. Роза Михайловна сказала, что у меня получается не «Полет шмеля», а «Полет мамонта». Очень мне не хотелось идти домой. Я слышал, что в городе появилось много грабителей, и шел, размахивая дорогой виолончелью. Я думал, что ее захотят украсть, вырвать из рук. Вместо этого моя виолончель сбивала листья с кустов. Желтые. И вдруг упала гусеница. Огромная, красивая гусеница. Довольно-таки волосатая. Я обрадовался, взял ее с веточкой и побежал домой.

— Мама, можно у нас будет жить гусеница?

Мама в самом деле отвлеклась на новую жительницу и не спросила про мои оценки. Так я полюбил в этот миг милую гусеницу. Она была такая добродушная. Мы назвали ее тоже Красавицей. Сестры устроили ей домик на подоконнике, из веточек. Но ночью она упала на пол, где лежал скрученный бабушкин половичок, и как-то закуклилась внутри. Однажды она выползла из половичка и стала пускать мыльные пузыри. Потом оказалось, что это выдуваются ее крылья. Очень разноцветные. Она их подсушила, взмахнула и полетела к свету, на стекло. Мы поймали ее осторожно в целлофановый мешок и выпустили в форточку нашу Красавицу.

Лети, милая бабочка. Ведь тебе так надоело ползать гусеницей и куклиться куклой. Благодаря твоей красоте мама так никогда и не узнала, что у меня была двойка. А «Полет шмеля» у меня получается теперь на целую тройку. Потому что я вспоминаю твой полет.

Но я думаю, что самое лучшее для этой милой гусеницы было бы закуклиться в моей крепкой желтой виолончели. Тогда бы мы долго не трогали инструмент. А мама и папа, предки мои, отдохнули б от ежевечернего перепиливания.

Жаба

В начале октября наш класс поехал на экскурсию в лес. Там я нашел красивую жабу. Она сидела на тропинке и смотрела прямо на меня. Я взял ее домой. Мама обрадовалась: жабы очень любят тараканов. И мы отнесли ее на кухню. Я поливал ее, чтобы она оставалась такой же яркой и блестящей. Я был для нее дождь. Но сестры тоже хотели быть дождем для жабы, и мы установили дежурство. Я мог часами любоваться переливанием пятен у жабы: то коричневые на зеленом, то золотистые. Да мы все полюбили ее. Только гости охали:

— Мало вам пиваков, вы решили отвадить нас мерзкой жабой, чтобы экономить свою колбасу. Ох, хитрые же вы люди...

Однажды папа спросил: кто сегодня дежурный по жабе? Я был дежурный по жабе, а что? Где она? Стали искать. Утром я полил ее, а сейчас нигде нет. Искали полдня, но так и не нашли. Вечером мама собралась стирать на машине, открыла крышку, а там жаба спит. Замерла. В зимнюю спячку улеглась.

— Мама, не буди ее — у нее будет стресс, — умолял я.

— А если я буду стирать руками, у меня еще больше стресс разыграется, — закричала мама, схватилась за сердце и замерла, как жаба.

Если бы жаба заснула на зиму в моей виолончели, я бы так не кричал, как мама.

— Выбирайте: или я, или жаба! — кричала она.

Мы выбрали маму и разбудили жабу. Она после этого опять исчезла. Искали мы всюду, даже в виолончель заглянули. Нет нигде. Она, может, была не жабой, а заколдованной принцессой. Превратилась в девушку и ночью ушла от нас. А если это не так, то где она, скажите?

Хватит

Я собирался в музыкалку. Поскольку была весна, я стал натягивать сапоги. И закричал.

— Что такое? — спросил папа.

— Меня в сапоге кто-то кусает.

— Этот ребенок! — закричала мама. — Он не хочет идти в музыкалку и будет издеваться надо мной. Кто может кусать его в сапоге?

Я покорно стал снова надевать сапог и снова закричал. Тогда я взял сапог в руки и посмотрел внутрь. Оттуда на меня тоже кто-то смотрел. Это было так интересно, я бы мог долго смотреть, но мама выхватила сапог и вытряхнула из него ондатру. Из-за разлива в Каме эти ондатры живут теперь в лужах города. Вчера сестры у мамы попросили разрешения взять одну. Но она запретила. Видно, они все же оставили ее потихоньку в квартире. Папа застонал:

— Боже мой, неужели эти дуры закроют мне глаза в последний раз? Скорей бы, скорей бы...

— Папа, не спеши умирать! — я решил защитить и сестер, и ондатру. — Она меня кусала не больно, только так, чтобы от нее отвязались. А посмотрите, какая она красавица.

— Красавица, — сказала мама, — похожа на драную кошку и крысу. Уж хоть бы что-то одно...

— У Любы чесотка. И вообще — хватит. Пора тебе — иди, бери виолончель. С Богом!

Милую ондатру выставили на улицу, чему она, кстати, очень обрадовалась. И весело побежала в лужу, скрылась под машиной, в этой луже стоящей. А я побрел с виолончелью. А самое интересное, что тетя Люба очень огорчилась, когда узнала, что выгнали ондатру. Она сказала: я бы ее зарезала, шапку б себе сделала из шкуры.

— А чесотка? — спросил я.

— Чесотка от живых, а от мертвых — польза.

Я сел делать уроки. С удовольствием. Моя виолончель пела: «Беги, милая ондатра, подальше, подальше...»

Вдруг

Вдруг тетя Люба вышла замуж и уехала. Сестры в тот же день принесли красивую белую крысу. Самца. Он был с розовыми драгоценными глазами. И в первую же ночь подгрыз мою милую виолончель. Я даже колбасой ее бок не успел помазать, честно. Он сам так решил — надо грызть. Мама говорит: хорошо, пора покупать «половинку», ребенок подрос, «четвертинка» уже все равно мала. Да и Роза Михайловна советовала купить «половинку». Еще крыс прогрыз новую мамину сумку, которую она оставила на полу. Потом — новые сапоги сестер. Мы стали все с пола убирать. Если вы хотите приучить детей к порядку, возьмите крысу. Это бесценное и простое средство. Мама была в восторге. Но однажды ночью она опустила руку с кровати и крыс цапнул ее до крови. Мама решилась и дала нам 45 рублей на клетку. Птичью клетку продавали в «Природе». Купили...

— Наверное, теперь не хватит денег на «половинку» виолончели? — спросил я.

Мама от волнения так трогательно выкатила глаза, что стала похожа на нашу милую жабу, которая исчезла.

— Ты плакал — просился в музыкалку, сам выбрал виолончель, а теперь хочешь бросить? А дальше что: жену полюбишь, а потом тоже захочешь бросить, да?

И мне купили новую виолончель — «половинку». Я ее положил возле батареи — говорят, в тепле дерево может рассохнуться. Но мама заметила это — положила ее на шкаф.

Тогда я собрал всю силу воли и в результате долго болел. Папа делал у шкафа отжимания, раскачал пол, и виолончель упала ему на голову. Раскололась. Точнее, треснула.

— Все твоя голова виновата! — кричала мама.

— Мэа кульпа, — по-латыни отвечал папа (значит — «моя вина»).

Так я бросил музыкальную школу. Но виолончель нам очень пригодилась. Мы катались на ней с горки. Где взяли такой хороший лак для лакировки виолончели? Он очень скользкий, и на виолончели нас уносит далеко — до самого Дворца культуры.

ДЕТЕНЫШ КСЮХА

— Откуда вообще все взялось? И кто раньше появился: люди или насекомые, а, папа?

Детеныш Ксюха — новенькая в группе. Ее папа так и сказал Софье Вячеславовне:

— Вот вам детеныш Ксюха.

Софья Вячеславовна не обрадовалась — у нее и так было 34 ребенка в группе. Слишком много! перевозбуждаются, шумят. Еще хорошо, что от «Маугли» засыпают. Текст сложный для пятилеток, поэтому приходится каждый раз его читать перед сном.

— Откуда оно взялось все? — то и дело спрашивала у всех детеныш Ксюха.

— Рыбы вышли на сушу, когда им стало воздуха не хватать, — на ходу объяснила Софья Вячеславовна.

Ксюха в свои пять лет в каждой Божьей луже на прогулке смотрела на свое отражение. Еще она переназвала многих детей в группе: Дашу — Дахой, Рому — Ромахой, а Наташу — Натахой.

С Натахой она подружилась. Бегут, кричат: мол, Вадик хочет целоваться!

Софья Вячеславовна посмотрела: Вадик играет экскаватором меланхолично так.

— Ну что вы, девочки, наговариваете на него! Он играет экскаватором.

Раздался рассудительный голос Вадика:

Я им сказал, что поиграю, а потом уже буду их догонять.

Н-да, подумала Софья Вячеславовна, для Вадика первым делом самолеты, ну а девочки, а девочки потом. А они уже трепещут все!

— Мой брат по телевизору смотрел голых женщин, а папа вошел — он их под мультики спрятал, — сказала Натаха.

Надо срочно сменить тему, подумала Софья Вячеславовна и спросила у Вадика:

— А ты вырастешь — кем будешь?

— Миллиардером.

Ничего себе — сменили тему! У Софьи Вячеславовны и так денежные проблемы: свекрови предстояла операция — ногу отнимут... Нужно платить ночной сиделке, а зарплата такая... такая... Хорошо, что пора на прогулку, и направление мыслей у Софьи Вячеславовны сменилось само собой.

Их детский сад был на самой окраине Перми — напротив через дорогу — уже лес. И вдруг на прогулке увидели они зайца — он вышел на опушку и замер.

— Это кто — маленький олень? — спросила детеныш Ксюха. — Все смотрите-смотрите: маленький олень!

Почему-то в этот миг Ксюха стала очень дорога Софье Вячеславовне.

Но однажды за Ксюхой никто не пришел. Софья Вячеславовна забрала двух своих сыновей в других группах, и все вместе они поплелись домой к Ксюхе, там было закрыто, но соседка согласилась взять девочку до прихода кого-нибудь.

На другой день в ответ на «доброе утро» детеныш Ксюха буркнула: «недоброе» и целый час потом сидела в туалете — на коленях — плакала и ничего не говорила. Лишь перед сном сказала Софье Вячеславовне:

— А в воскресенье я поеду к папе в гости!

Так стало понятно, что ее родители развелись.

— Вот и хорошо!

— А что хорошего! До воскресенья еще три дня.

— Ну, подумаешь — всего три дня!

— Софья Вячеславовна, ждать три дня — это очень других три дня!

На следующий день Софья Вячеславовна объясняла детям (по программе), что такое горение, какую роль играет тут кислород.

Она принесла две разных банки и две одинаковых свечи. Зажгла и закрыла банками. Ну, ясно, что в большой банке свеча горела дольше, потому что кислороду больше.

Повторила опыт, повторила словами. А теперь — проверка: все поняли, что такое кислород?

— Кислород — это лимон, — сказала Ксюха.

— Почему лимон?

— От лимона — кислый рот...

Все понятно: девочка не может никак сосредоточиться — думает о своем.

На следующей неделе детеныш Ксюха начала вообще бить детей, скоро стала так агрессивна, что ударила по голове Вику. А Вика росла без папы, мама у нее — пьющая, и Вика до сих пор знак «плюс» называла «скорая помощь». И хохлому от палеха отличить не может. Раньше требовали, чтоб дети перед школой отличали Брежнева от Ленина, а нынче — чтоб хохлому отличали от палеха. Но ладно уж — бог с ней, хохломой, дни недели Вика запомнить не может.

Софья Вячеславовна говорит, что на прогулку не пойдут, пока не скажут, какой сегодня день недели. Так Вика еще ни разу не назвала правильно... Но она не унывает, даже если что-то не поймет, то с улыбкой спрашивает:

— Софья Вячеславовна, мы идем гулять?

— Нет, Вика. Мы идем на гимнастику.

Стихи для утренника Вика тоже не в состоянии запомнить, но мама ее очень просила, и Софья Вячеславовна все же дала ей две строчки к 8 марта. «Лучше мамы моей никого не знаю, ведь она у меня самая родная». Вика с восторгом прочитала:

— Я мамы своей вообще не знаю,

Потому что она самая родная!

Но зато только окликнешь ее, Вика обернется-улыбнется: «Ась?» и летит — руки раскинет, через секунду — она уже в объятиях Софьи Вячеславовны. Так вот получается. Или полетит вдруг обниматься со всеми проверяющими! А проверки очень часто случаются!

Видимо, так ее мама обнимается со всеми своими гостями (водку принесли ведь они). И вот только тети-дяди входят в группу, Вика руки раскинула — уже летит к ним со своей свекольной улыбкой: зда-а-а-сте! И начинает обнимать их за ноги!

— Какие у вас дети гостеприимные, — говорят тут проверяющие, — нигде мы не встречали таких детей!

Мама Вики — тоже со свекольной улыбкой, но логопед дал задание вырезать слова с буквой «Л» из газет — не вырезали...

И вот эту Вику ударила детеныш Ксюха, а разве можно обижать такую! Софья Вячеславовна целый день спрашивала, почему она ударила Вику.

— У меня без папы все облупилось: сапоги облупились, ранец облупился и нос облупился, — ответила наконец детеныш Ксюха.

— Нос облупился от солнца — при папе он мог тоже облупиться.

— Нет, папа напоминал, чтоб я бейсболку надевала ...

Эти была первая жаркая неделя — на площадке пахло протухшей рыбой. Видимо, бомжи ели, зарыли остатки. Запах раздражал сильно, все воспитательницы на своих участках искали-обыскались, где зарыто — не нашли ничего.

И вдруг Вадик приносит Софье Вячеславовне ветку цветущего боярышника — сорвал у ворот — вот он — этот запах! Так пахнет боярышник! Почему-то рыбой. Просто нынче в первый раз много цветов — разросся по всей территории.

— А когда мы ездили в Питер, там на всех улицах города сильно-сильно пахло свежими огурцами, но оказалось — корюшкой! — сказала нянечка Лида, когда дети ей все рассказали в группе.

— Еще раз расскажите, — попросил Вадик.

— Надое! — детеныш Ксюха с размаху ударила его ногой по яйцам.

— Ты с ума сошла, — зашипела на нее нянечка, — у него же детей может не быть.

Даха тут оч-чень заинтересовалась словами няни: мол, как это — интересно — у Вадика вообще могли быть дети, он ведь не женщина!

Это была среда, в четверг был день рождения Селестины, ее папа — коммерсант — всегда устраивает роскошный стол вечером — праздник для всей группы.

Мама с завязанными глазами должны были угадать своих детей. И вот Софья Вячеславовна заметила: дети, имеющие пап, долго пересаживались, шутя, подсовывая «слепой» маме одного ребенка много раз, а безотцовщина... о, они совсем иначе себя вели — рвались к мамам, быстрее хотели попасть в родные руки!

И после всего подходит к Софье Вячеславовне папа Вадика. У них фамилия Сверко. Он неизменно сверкал серьгой в ухе, серьгой в губе, а сегодня вдруг в белой рубашке с галстуком.

— Я на новой работе, там требуют, чтоб строго... Софья Вячеславовна, вы приедете в суд — сказать, что я всегда Вадика приводил и забирал?

— А что случилось?

— Жена от меня ушла к... (прозвучала фамилия известного миллионера) и хочет сына забрать.

— А может, с мамой Вадику будет лучше?

— Но я с ума сойду!

А в это время Софья Вячеславовна поссорилась с мужем, он несколько дней жил у своей матери, и ей как-то было не до суда — дел невпроворот. Да еще ее старший сын — четырехлетний — описался в группе, не спал... И она поняла, что он так переволновался из-за ссоры родителей. Всего-то три дня и длилась эта ссора, а уже сын описался! Нельзя ссориться.

А у детеныша Ксюхи вообще развелись мама и папа — это еще страшнее. Значит, надо как-то ей помочь успокоиться, но как — вот в чем вопрос...

В раздевалке, как всегда, сидели два ребенка-тормоза и беседовали:

— Я потеряла носок, — говорила Вика.

— А ты в шкафу смотрела? — спрашивал Вадик.

— Я и под шкафом смотрела.

Детеныш Ксюха подлетела к ним и начала их буквально встряхивать: мол, надоели вы — растяпы, из-за вас всегда на прогулку долго не выходим.

Софья Вячеславовна подошла к ней и в наэлектризованном воздухе громко сказала:

— Слушай, ты одна, что ли, тут несчастная такая?

— А?

— Ты не одна такая! Чего уж так нервничать — у всех ведь проблемы! У Кати папа ушел, у Вадика — наоборот — мама ушла от папы и забрала сына в другую семью вообще...

Дальше вдруг такое началось! Произошло то, чего не ожидала сама Софья Вячеславовна: дети на прогулке просто бросились рассказывать Ксюхе о своих проблемах.

— У нас папа маме зуб выбил позавчера! Они дрались-дрались, а потом зуб на полу я полчаса искала...

— А у меня папа маму ударил, и ее парализовало!

— Как это?

— А так: половину лица... парализовало.

— Парализовало?

— Да.

Дети все окружили детеныша Ксюху и сыпали, и сыпали все свои горести:

— Мама моя выгнала папу, нашла дядю Леву! Папа часто блюет, а дядя Лева редко блюет!

— А мой папа гадал в Новый год по книжке, ему выпало знаете что — «внимание противоположного пола». И я сказал: «Папа, противоположное полу — это потолок. Ты должен внимание ремонту потолка уделить!» А он меня схватил за уши! А что я такого сказал?

И только одна Оля Неженечко имела план — как наладить в семье снова хорошую жизнь. Она хотела... нарисовать родителям свадьбу, чтоб не ссорились.

— Неженечко ты моя! — обняла Олю Софья Вячеславовна.

Вдруг детеныш Ксюха сказала: она тоже нарисует родителям свадьбу!

С тех пор детеныш Ксюха опять повеселела, носилась по группе с Натахой, хорошо ела и отлично отвечала на занятиях. Когда нужно было назвать признаки осени, а все тридцать четыре ребенка уже назвали, Ксюха нашлась: «батареи отопления включают»! И покраснела от похвалы.

Это называется «разделенность опыта». Софья Вячеславовна слышала, что есть на Западе целые уроки такие: о смерти, о страхе... все дети друг другу рассказывают.

На следующий день детеныш Ксюха принесла в группу горшочек:

— Это детеныш фиалки!

В ПРЕКРАСНОМ КОЛИЧЕСТВЕ

В соавторстве с Вячеславом Букуром

Саше через месяц будет четыре года. Раньше-то он мечтал, чтоб ему подарили самовар.

В детском саду самовар, как гость, живет в отдельной комнате. Еще там есть матрешки и лапти.

Саша любил смотреть на самоварное блестящее пузо, потом подходил в упор и начинал ощупывать свое лицо: я это или не я там отражаюсь такой мультяшный?

— А нянечка говорит, что раньше вместо самовара был какой-то ленин, и комната называлась ленинская.

— Самовар — это Ленин сегодня, — ответила мама.

Старший брат Леха раньше обещал:

— Я спецвыпуск газеты... я смогу, я успею к твоему дню рождения!

Он был в первом классе и немного важный: выпускал домашнюю газету. Тема первого номера: бессмертие. Тема второго: будущее. Ну а третий номер был про живой уголок.

Спецкор-папа — участвовал лишь в первом номере: «Бессмертие таракана: что делать?»

А в газете про живой уголок было много всего! Очень! Сначала заметка: «Понос черепахи позади». Начиналась так: «Пишет Алексей Чибисов. Вчера черепаха поела творожную запеканку, которую мама дала котенку»... Затем Леха переписал в газету объявление, которое сам же развесил по подъездам двух домов: «Потерялся зеленый волнистый попугайчик. Кто нашел, верните. Будет вознаграждение. Пожалуйста! Говорит: Кеша, птичка».

— Наверное, попугай почувствовал все заранее и смылся.

— Он подумал: хозяин проиграет зарплату второй раз, и тут такое начнется!

Братья шептались друг с другом — сверху вниз и снизу вверх, потому что лежали на двухэтажной кровати. Да, да! Отец уже второй раз оставлял в игровых автоматах все до копейки.

А младший брат Ваня за два бесконечных года жизни накопил уже много способов выживать. Он стал увесисто ходить по детской и рычать: «Папа мой! Мама моя!» И косил грозно взглядом: ну-ка, выходи, кто хочет разбить наш крепкий живой уголок, а в нем — папа, мама, Леха, Саша, я, рыбки, черепаха, кот, а попугай Кеша тю-тю через форточку.

Саша вдруг зарыдал, но объяснил брату: мол, просто собак жалко, которые на улице — на холоде остались и лают.

Тут Леха вскочил, подбежал к иконе Николая-угодника и чуть ли не требовательно спросил:

- Ну почему ты сделал, что у всех отцы деньги домой приносят, а у нас проиграл?

Саша добавил:

— У меня в группе Герман всех кусает, а у него папа вон какой хороший. А я не кусаюсь, а папа все больше проигрывает: сначала восемь тысяч, потом десять.

Тут мама стала надевать шубу. А за окном так темно! Поэтому Леха начал лихорадочно спрашивать у нее:

— Поможешь мне сочинить задачу? Сначала восемь, потом на два больше, и сколько вместе.

Мама выдала самоварным голосом:

— Черепаха сделала восемь куч под кроватью Вани, а под столом — на две кучи больше...

— Куда пошла? — спросил Саша.

— Искать вам нового папу.

Прошло время.

— Ну что, нашла?

— Нашла.

— А как его зовут?

— Коля.

— А где он?

— Да вон под окном в снегу прикопала, чтоб не испортился.

Саша покачал головой: плохая шутка.

На воскресенье мама повезла братьев в гости к бабушке с дедом. Как всегда. А папу бросила дома и сказала:

— Сиди тут, гений азарта!

— А ты втяни свой живот! — закричал папа.

Саша был поражен. Как это — маме втянуть такой прекрасный, такой теплый... А мама закричала:

— А ты отдери свой живот от позвоночника!

Тут Саша был вообще сражен. Отодрать — такой твердый, в квадратиках! И отчаянно завыл. И в первый раз за всю бесконечную четырехлетнюю жизнь к нему никто не бросился. И только Ваня, пускаясь в дальний путь со своим прозрачным мешком, угрюмо напомнил:

— Мама моя, папа мой.

Он был умнее всех, Ваня-то.

А вот в какой дальний путь Ваня уходил по квартире, это только он знал. Все остальные видели со стороны вот что: он навешивал на себя шарф, складывал в большой пакет книжку, варежку, несколько конфет и динозаврика, махал рукой из стороны в сторону, как член политбюро (пока-пока!), а потом уходил путешествовать к спальне. И так раз двадцать за день.

— Пржевальский! Миклухо-Маклай! — умилялась на Ваню мама, пока папа не проиграл.

По дороге на автобусную остановку мама молчала. А ведь раньше она всегда учила детей по следам узнавать все: кошек, собак, птиц. Саша решил это молчание залепить:

— Я вчера на прогулке говорю Герману: «Смотри, смотри, деньги!» Герман: «Где?» А я ему: «Проверка жадности!» Он тут полез. А его ка-ак...

Тут они сели в автобус, в котором уже сидел Герман. Он говорил:

— Куплю шоколадку за три рубля, продам за пять рублей.

— Боже мой, да кто же у тебя ее купит! — измученно крикнула его мама.

Герман изумленно посмотрел на нее: мол, как это - кто купит, ведь шоколадка такая вкусная!

Саше хотелось услышать, что там дальше с деньгами от шоколадки случится, но тут, как всегда, остановка неожиданно подскочила и мама поволокла их к выходу.

Сразу от дверей он заявил бабушке:

— Когда я вырасту и буду стричься не в «Ежике», а вместе с большими, я никогда не буду проигрывать деньги!

— А буду только выигрывать, — едко добавил дед.

Бабушка засмеялась, но как-то не по-настоящему, потому что закрутилась, как глобус, вокруг своей оси. А дедушка подмигнул Саше, но тоже невесело. И тут вопрос: зачем взрослые шутят, когда им невесело? Саша так и спросил деда, а дед честно ответил:

— Понимаешь, старина, Бергсон тоже уперся в тайну смеха, но так ничего толком и не мог объяснить. Все только твердил: интуиция, интуиция.

Саша замер, запоминая восхитительные слова, чтобы сказануть их со страшной силой в детсаду и тут же получить в ответ: «Сашка умный — по горшкам дежурный».

После чего он схватил бутылку из-под минералки, пристроил ее себе на колени, как гитару, и объявил:

— Выступает солист живого уголка Саша Чибисов!

Потом он откинулся на спинку дивана, забил ногтями по выпуклому пластику и запел:

*Папа, папа, что ты хочешь?
Играть-проиграть,
Играть-проиграть,
Вот и все, вот и все.
И больше ни-ни, и больше ни-ни!*

— Ведь все для чего-то нужного случается, - вдруг успокоилась бабушка. — Отец продулся, а дети никогда не будут играть на деньги.

Тут позвонила какая-то многочисленная подруга. Бабушка ее послушала и говорит:

— У нас тоже проблем!.. Зять вообще играет.

— Играет на сцене театра, — добавил дед, ужасно двигая пальцами, глазами, ушами (он этим говорил: не надо всему миру докладывать).

— Бабушка, что сказала твоя многочисленная подруга? — спросил Саша.

— Оно опять запыло.

— Бабушка, что хуже: когда оно пьет или когда оно проигралось?

Тут бабушка опять проделала свой фокус: сразу засмеялась и зарыдала:

— Варя сказала вот что: ведь Анна Григорьевна Достоевская пошла бы гонорар получать вместе с Федором Михайловичем, чтобы он не проиграл все в рулетку.

Леха тут сказал:

— Бабушка, у тебя по экватору пояс халата развязался.

Она сразу воздела руки и закричала:

— Какую силу воли нужно иметь, чтобы сесть на диету! А зятю еще труднее!

Ваня почувствовал, что пора отложить очередной поход вдаль. Он изобразил присядку: пригнулся, резко вставал, отрывал от пола то одну ногу, то другую. При этом он пел боевую песню двухлетнего человека: ха, ха, фа, фа! Мама посмотрела на него и сказала:

— Танцуешь? А потом пойдешь на автоматах играть?

Ваня упал от неожиданности, но упорно гнул свою линию, крича:

Мама моя! Папа мой!

— Да, — подтвердил Саша, — папа принесет зарплату. Но ты, мама, должна идти с ним, как Анна эта ваша Григорьевна.

Леха тут включил телевизор: свой любимый канал про живую природу. Там показали, как паучиха съедает паука.

— Дед, а разве друзья-пауки не сказали ему, что паучиха может его съесть?

— Ну, если все друзья разводятся, а ты решил жениться, то все равно ведь не согласишься на разводы друзей, — ответил дед.

— А до того, как мы родились, была зима или осень? — спросил Саша.

— А так все и шло: осень, зима, потом весна и лето.

Саша был поражен: их не было с братьями, а все уже шло и шло.

Бабушка сказала, что Саша во время дневного сна кричал: «Герман, сейчас я тебя так укушу!»

— Бабушка, а почему к папе ангел не прилетел и не сказал: нельзя проигрывать деньги?

— Наверное, ангел прилетал, да твой папа принял его за разряд электричества...

Саша знал: в детском саду Герман дружит с Васей, потому что у них дома компьютеры. Вот если бы папа не проигрывал зарплату, а купил компьютер...

Только вернулись домой, как в дверь к Чибисовым позвонили. Мама открыла. Стоит мальчик, весь сгорбленный, печальные глаза. Рядом с ним старенькая бабушка:

— Алексей здесь живет?

— Здесь. — Мама была в ужасе: — Это он что-то сделал вашему мальчику? О Боже!

— Учительница просила расписаться: двойки у Алеши в тетради.

— Всего-то? А я уж подумала... А почему мальчик ваш такой согбенный?

— Болеет. Мы только что из поликлиники, это к Алеше не относится.

Радости мамы не было предела. Но Алеша-то не знает этого: он испугался, что мама задаст за двойки, побежал к раковине и стал сильно сморкаться, зная, что кровь пойдет. И кровь пошла. Тогда мама врезала ему по заднице. И стыд охватил ее.

— Где нервы взять на все это?! — закричала она.

А еще недавно были совсем другие проблемы. Например, папа мог поинтересоваться, почему Саша пришел понурый из детского сада.

— Я кукарекать не умею!

— Да, это серьезно. А что — все уже умеют?

— Все.

— Ну а есть что-нибудь хорошее-то?

— Есть. Хрюкать научился.

Папа по-свойски облапил его плечо:

— Ну вот, видишь, брат, какая жизнь-то неплохая: хрюкать ты умеешь.

А теперь что? Саша твердо решил, что не будет кричать, как мама. И остались одни шутки:

— Ты, папа, осень без ягод.

— А ты, сынок, уши без мыла.

И во время этих шуток Саша почему-то вспоминал, как стоял в углу и никуда нельзя было пойти. И теперь каждый вечер Саша начинал с двух главных фраз, когда приходил из детсада:

— Папа, ты принес зарплату? Скажи маме, что ты принес зарплату!

Папа не двигался с места. Один раз Саша даже начал ныть без слов, потому что ничего не получалось. Мама тут как тут, ничего не спросила, сразу говорит:

— Чего ты как маленький, ты уже большой.

Но в какой-то вечер папа вдруг разразился:

*Среди унылых чибисов,
Свихнувшихся с копыт,
Один лишь Саша Чибисов
Пушистенький сидит.*

Саша выслушал, сжал все выросшие к этому дню зубы и подумал: ничего, все становится лучше, еще до воскресенья буду каждый день говорить про зарплату. Никакого Колю не надо будет выкапывать из-под снега, потому что папа принесет зарплату в прекрасном количестве.